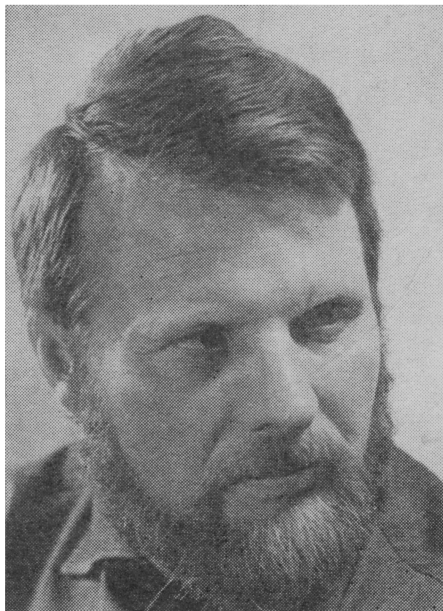

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 20

1963

Алексей МАРКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

С Т И Х И

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 20

Алексей МАРКОВ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва, 1963

Алексей МАРКОВ

Алексей Яковлевич Марков родился в селе Нины, Вороново-Александровского района, Ставропольского края, в семье крестьянина. Здесь же учился в начальной школе. После смерти отца переехал с матерью в Дагестан. Некоторое время воспитывался в детских домах Дербента и Буйнакска (Темир-Хан-Шура).

В 1936 году окончил семилетнюю школу и поступил в Первое Буйнакское педагогическое училище. В 1940—1941 годах работал в редакции газеты «Дагестанская правда».

В годы Великой Отечественной войны служил в войсках Третьего Украинского фронта, дошел солдатом до Берлина.

Первые стихи напечатал во фронтовых газетах.

После демобилизации поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, который закончил в 1951 году.

В 1952 году в журнале «Новый мир» напечатал первую свою поэму «Вышки в море», которая позднее вышла отдельной книгой. За ней последовали книги стихов «Ветер в лицо», «Осенний гром», поэмы «Михайло Ломоносов», «Ермак», «Ильич», сборник избранных стихов «Цветы и камни», сборник сатиры «Репейник» и книга стихов «Огонь на себя».

МОЙ ВЕК

Век мой — гордость моя!
Век мой — горесть моя!
Век, закованный в сталь,
Век, несущийся вдаль
На волшебной волне —
К синим звездам, к луне.
Век, стремящийся ввысь,
Век, врачующий жизнь
От цепей, от обид,
От привычных орбит,
От недуга души —
Раболепства и лжи,
От дрожащих колен
И расстрелянных стен,
От улыбок кривых
Властолюбцев тупых.

Век, раздувший в ночи
Освенцимскую печь,
Век, поднявший мечи,
Чтобы это пресечь.
Век несметных богатств
И сплошной нищеты,
Век содружеств и братств
И холодной вражды,
Время атомных битв
И бессильных молитв.

Век мой — горесть моя!
Век мой — гордость моя!

* * *

Спасибо тому, кто в февральских заносах
Дорогу найти мне помог,
В безлюдную полночь без длинных расспросов
Радушно пустил на порог!
Спасибо, что жить не кому-то другому,
А мне, ушибаясь и злясь,
И радуясь лучику солнца любому,
И чувствуя с временем связь;
Что пью ключевую холодную воду,
Устало садясь на траву,
Спешу в неизвестность, не знаячи броду,
Рассудком чужим не живу!
Спасибо, что не был причислен я к моде,
От битв не стоял в стороне,
Любовью в дороге крутой не обойден
И память хранят обо мне.
Признателен я непосильным урокам,
Безжалостным учителям
И сжатым до чертиков жизненным срокам,
Чтоб зря не бездельничать нам!

Спасибо тому, кто со мною, бывало,
С открытым лицом враждовал:
От этого сила моя прибывала,
Как волны у кряжистых скал!

Спасибо совсем незнакомым прохожим,
Что были знакомых добрей!
К себе становлюсь я все строже и строже,
Хороших встречая людей.

СОВРЕМЕННОМУ

Стремясь дорогу проложить,
Шли сами часто без дороги.
Во имя тех, кто будет жить,
Сбивали по ухабам ноги.

Идущих за тобою вслед
Предупреди о пнях и глыбах —
Не повторили б наших бед
И наших горестных ошибок.

Подводных отмелей и скал
Скрыть не пытайся в океане,
Чтоб кто-то снова не искал
Уже открытый путь в тумане.

* * *

Как много видел я обид!
Я падал, слезы жгли гранит.
А ты ходил спокойно разве,
Когда тебя мешали с грязью?
Но я не возложу вины
На плечи дюжие страны.
Обидит мать и пожалеет.
...Вот и сейчас стою пред нею.
Береза гнется, и река
Чуть-чуть дрожит от ветерка
И улыбается: «Встань ближе
И Расскажи мне, кем обижен.
А может, сам был виноват?»
...В раздумье опускаю взгляд.

ПРАВДА

Вечерами гляжу я в окно,
И далекое чудится детство.
Мне для жизни правдивой оно
Прямоту подарило в наследство.

И еще вспоминаются мне
Руки матери в жилах суровых.
Ах, родимая, даже во сне
Не обидит, бывало, и словом!

Но, случалось, неправду скажу —
И сечет хворостиной до крови,
Так, что после на лавке лежу...
Мать склоняется над изголовьем.

Тихо волосы гладит она,
Повторяет сквозь слезы, целуя:
«Только правду! А правда — одна!
Все, что есть, говори напрямую!»

ШТОРМ

Мне надоед безликий штиль.
Люблю я шторм, веселый шторм!
Гремит он, разбивая в пыль
Привычность норм, застылость форм!
Наутро берег не узнать:
Другой рельеф, другой изгиб,
Голодных чаек мчится рать,
Ловя с налету глупых рыб.
Насиженных не видно мест —
Окурков желтых и газет.
И столько свежести окрест,
Такой у моря звонкий цвет!
Как будто овцы возле скал,
Толпятся глыбы у воды,
И от ракушек-прилипал
На них слезливые следы.
Возникших линий новизна,
Оттенков обновленный блеск —
И штилю новая цена,
И сладок сердцу синий плеск!

ГОД ПРОШЕЛ

Снег летит белый-белый
И звенит, как хрусталь.
Год прошел. Что я сделал?
Подсчитать не пора ль?
Может быть, я растратчик
Дней, отпущенных мне?
Может быть, не оплачен
Долг родной стороне?
Не дрожал ли от страха,
Глядя правде в лицо?
Не поранил ли с маху
Чье-то сердце словом?
Не поверил кому-то,
Хоть просили: «Поверь!»
Где-то что-то напутал...
Все припомни теперь!
Поддержал ли я друга
В каждодневном бою,

Иль берег от недуга
Радость только свою?
И не бросят ли завтра
Мне тяжелый упрек,
Что я жил полуправдой,
Честь свою не берег?

Я гляжу на порошу,
На денек голубой,
Жизнь в раздумье итожу,
Недовольный собой.

ЭХО

Лишь хрусталину тронь —
Вся взволнуется люстра.
Звук бежит, как огонь,
Как взаимные чувства.
Только ветку тряхни —
Вторит дерево вздохом.
День один всколыхни —
Отзовется эпоха.

* * *

За светом тень крадется в поднебесье.
За светлой мыслью ходит мракобесье.
Крестит ее решетками темниц,
Томит ее запретами границ.
О попираемый мещанством разум,
Травимый ядом и лукавой фразой,
Гасимый холодом сердец глухих,
Гонимый голодом по воле их!
Его пытаются в каменных потемках,
Но снова воскресает он в потомках,
В неравных битвах душу закалив,
Неистребимо светел и красив.
Где он проходит, там поют каменья,
Цепей кандалных лопаются звенья;
Где он проходит, там цветут поля
И вечно обновляется земля.

ОКЕАН

Он вечно молод потому,
Что вечно он в тревогах,
И нет покоя никому
На голубых дорогах.
А успокойся океан,
Не мучайся в заботах,—
Над ним бы задремал туман,
Как на гнилых болотах!

ДУБ

Уже который день подряд
Свистят, аукают метели.
Деревья голые стоят,
Они от стужи почернели.
И только дуб назло ветрам
Листвой чугуною рокошет.
Ее он сбросит только сам,
Когда он сам того захочет.

УСТАЛОСТЬ

Полежу у тропинки я малость
Да на тучи вдали погляжу.
Что-то нынче такая усталость,
А откуда — и сам не скажу.
Словно дед мой и прадед далекий
Передать мне усталость могли...

Слышу: силы, как внешние соки,
Подступают ко мне из земли.

ВРЕМЯ

Слышишь сердца размеренный стук?
Это жизнь по секундам проходит.
Поскорее за дело, мой друг,
Не успеешь: весна на исходе!

Не заметишь, как лето придет,
Как приблизится зябкая осень...
Ну, а там — под подошвами лед
И на крышах жестокая проседь.

ОБИДА

Дм. Кедрину

Жаль, что вы не видели,
Как его обидели!
С беспокойной раной
Брел он в дождь, как пьяный.

А теперь непрошено
На могилу брошено
Столько роз и лилий!
Столько слез пролили!

Почему ж немыслимо
Дать цветы при жизни нам —
Часть бы этих лилий?
Мы б еще пожили...

В ЖАРУ

С пилой, обмотанной мешком,
В сермягах ношенных, босые,
Бродили с тяткой мы пешком,
Искали счастье по России.

...Пред тем, как в город нам войти
(Была июльская жарница),
Мы завернули по пути
Взглянуть на местное кладбище.

Здесь не было почти примет,
Кого и где похоронили...
То там, то сям копытный след
Да лишь бурьян, седой от пыли.

Стоял отец, задумчив, строг.
Заговорил со мной не скоро:

— Уйдем отседова, сынок...
— Как? Даже не посмотрим город?

— А вот же, глянь, его лицо.
И хлеба мы не раздобудем.
Тут забывают про отцов,—
Живут плохие, видно, люди!

ДРУГ

Ты ничем не знаменит,
И торжественный гранит
Твое имя не прославит,
Поколениям не оставит.

Ты нисколько не богат,
Как шелка, долги висят,
Ты живешь себе в каморке,
Рад порой простой махорке.

Почему ж к тебе иду
Утолить свою беду?
Чай твой кажется теплее,
И окно твоё светлее,

Слаще дым от папирос,
Что лежат в столе вразброс.
Провожающее слово
Приглашает в гости снова...

Сквозь метелицу бреду,
У тебя забыв беду.
Хорошо, что есть на свете
Ты, который неприметен.

* * *

Человек я, а не рыба,
И рука моя тепла.
Мне не надобно «спасибо»
За хорошие дела.
Передайте, передайте
Слово доброе другим,
И цены не назначайте
Добродетелям своим.

* * *

Милая, незвонкая сторонка
С позабытым днями ветряком!
Над обрывом — хилая хатенка,
Лебедой заросшая кругом.
Унывать хатенке не годится,
Гордая стоит на берегу,
Опустив солому, как ресницы,—
Знает, что дворцы пред ней в долгу.

* * *

Нет, зеркала фальшивы!
Не объяснят, как есть,
Где мы душою кривы,
Где уронили честь.
И только вражьи взгляды
Все скажут, не тая.
Смотреть почаще надо
В глаза врагов, друзья!

ВСЕ, ЧТО СМОГ

Я не брал без отдачи
Ни забот и ни ласки.
Мной с лихвою оплачен
Долг за детские сказки,
За траву и за солнце,
Стрекотанье цикады,
И за небо в оконце,
И за шум водопада,
И за птичье веселье,
И за шелест березы,
И за это варенье,
И за дым папиросы...

Я сполна расплатился.
Коль недодал немного
И ушел — не простился,
Не виновен, ей-богу!

ДЕКАБРИСТЫ

А могли бы, могли декабристы
На Сенатскую не выходить
И не брать себе жребий тернистый,
Кандалами детей не будить.
Как же так не подумали сразу,
Что у каждого сын или дочь
И от них, как от страшной проказы,
Убегать будут многие прочь?
Отчего ж на Сенатскую вышли?
Не хватало, что ль, царских щедрот?
Надоели покой и затишье?
Не пугал роковой эшафот?
Нет, обиды и тяжкие слезы
Разоренных дотла деревень
Собирали грядущие грозы,
Приближали возмездия день.

Не могли, не могли декабристы
На Сенатскую не выходить,
Не избрать себе жребий тернистый,
Кандалами детей не будить...

СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Кричал один удельный князь,
Ногою топая, другому:
— Да ты не князь, ты просто грязь!
Я не подам руки такому!

Тот отвечал, метнувши взор:
— Какое черное злодейство!
Кто у меня сосновый бор
Оттяпал, подкупив судейство?!

Пока усобные бои
Шли меж российскими князьями,
Батыи лапища свои,
Оскалясь, занесли над нами.

На косы родины моей
Ногою наступили ханы.
Минуя дом, хлеба с полей
Несли захватчикам поганым.

И триста лет, да, триста лет,
Хозяевами были «гости».

— Русак-простак! — неслось вослед...
Лишь кулаки росли от злости.

Мои любимые друзья!
Не делайте, как те князья,
Что, перессорясь меж собою,
Врагу отдали Русь без бою!

СЛУЧАЙ С ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Осталось дописать лицо
И руки алчные Иуды,
И дело, кажется, с концом!
Но не видать конца покуда.
Художник бродит, как в дыму,
По следу торопливых граждан,
И чуждятся уже ему
Черты его героя в каждом.
Но в ком отобразился весь,
На ком, печать свою оставив,
Окончил век продавший честь
Слуга разменный двух хозяев?

...Как улей, ярмарка шумит,
Сверкают радугою краски,
И солнце, накалив зенит,
Лучей разбрасывает связки.
Причудой неба и земли
В лотках мускат сверкает бурый.
И тут же нежатся в пыли,
О чем-то сплетничая, куры.

Слегка сутул, седоголов,
Мужчина жадно уплетает
Арбуз, ударом расколов,
И влага по усам стекает.
— Послушай, добрый человек,
Тебя ищу я целый век! —
Сказал художник, торжествуя.
— Позволь тебя я нарисую.

Лицо твое мне в самый раз,
Премного благодарен буду!
— Кого вы пишете сейчас,
Хороший господин? Иуду?

Мольберт он выпустил из рук
И перешел на «вы» невнятно:
— Вы догадались, добрый друг..
Но как? Мне это непонятно!..

Ломоть багровый отложив,
Бородку незнакомец вытер.
— Не соглашусь, пока я жив,
На эту роль. Других ищите!
Потупил нелюдимый взгляд,
Сметая семечки арбуза.
— Забыли: двадцать лет назад
С меня писали Иисуса?

Художник шел, куда невесть,
Подальше только бы отсюда.
Теперь он понял все как есть,
Христа он понял и Иуду.
Осталось нанести мазок —
И будет кончена картина.
Явиться с ней к народу срок —
На высший суд, на суд единый.

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

Я часами глядел на Мадонну,
Что бессмертье дала Рафаэлю,
На глаза... Не от них ли, бездонных,
Даже черные души светлели?
Не сводил с нее взгляда, покуда,
Дымку облак накинув на плечи,
Как пригрезившееся чудо,
Не шагнула Мадонна навстречу.

Не безгрешная та, не богиня,
О которой земные не судят,—
Просто мать. И спросила о сыне,
Ею отданном людям.
Я не скрыл. Все, как есть, я ответил:

— К диким скалам его приковали,
Но огонь отвоеванный светит,
Прорезая полночные дали.
О смешные, наивные твари,
Что ему учиняли расправу!
Смерть такая бессмертие дарит,
И мы молоды вечно по праву.

...Я не знаю чудес воскресенья,
Но я вашего сына увидел,
Доказавшего землевращенье,
На костре... И оттуда он выйдет.
Через строй проведут его палочный,
Чтобы черное белым казалось,
Не похожий на многих, загадочный,
Только бабью он вызовет жалость.
И лишат его имени, чтобы
Не подумали: это тот самый,
Ясноглазый и крутолобый,
Словно из рафаэлевой рамы.
Будет номер носить многозначный
На матрацной тужурке в полоску.
Поведут его полночью алчной,
Не дадут докурить папироску.
И оттуда он выйдет, бессмертен,
Только кровь запыхает в рябинах...

Благодарны вам люди, поверьте,
Преклоняют колени за сына.

ЗВЕЗДА

Сияет в вышине звезда,
Хотя ее иной не видит
И не увидит никогда,—
Она на это не в обиде.
Да что ей равнодушья лед
Или восторг минутный взгляда!
Она Земле сиянье шлет —
Ей больше ничего не надо.

ЧЕЛОВЕК СПИТ

Спит свободно человек усталый,
Спит, раскинув руки на траве.
Песней колыбельной укачало,
Жаворонком спетой в синеве.

Ноги человек простер на пашню,
Сапоги лежат под головой.
Спит за день грядущий и вчерашний,
Спит широкий, грубый, трудовой.

Улыбается во сне по-детски,
А на лбу морщинки пролегли
Ветерок шуршит листвою в подлеске,
Над ромашками гудят шмели.

Проходи поосторожней мимо,
Ты смотри его не разбуди!
Спит кормилец на земле родимой,
У земли корявой на груди.

ПОЕЗДА

Нет, не я на продувных вокзалах
На скамье, счастливый, прикорнул,
Дикторша совсем не мне сказала,
Что отходит поезд в Барнаул

Я сегодня только провожатый,
Без меня уходят поезда
А когда-то... Было ведь когда-то:
Мне в объятья плыли города.

И не я в таинственных подъездах
Грею руки девичьи в мороз.
Мне в трамвае уступает место
Не она ли, юная до слез?

И не я сегодня первый в споре,
А другие спорят за меня.
Не вздыхайте! Устает и море
На исходе штормового дня

РИТМ

Говорят нам: были, были
Эти сказки, эти были,
Слой на них музейной пыли...
Должен быть иным разбег
У стихов в моторный век!
Говорят нам: были, были
Эти рифмы, эти стили.
Ритм классический бессилён —
Не зажжет, не озарит...

Но у сердца прежний ритм?!

ОЖИДАНИЕ

Новый год... Поздравил бы кто-либо,
Постучался б, что ли, почтальон!
От шагов и лестничного скрипа
Мне не спится. Не приходит сон.
Разве никого не обогрел я?
Никому на помощь не пришел?
За окном гудят с тоской деревья...
Отчего ж на сердце хорошо?
Видно, где-то далеко-далеко
И ко мне те ласточки летят.
Только бы они успели к сроку,
Разрезая крыльями закат.

* * *

Я не верю давно в предрассудки.
Но крестьянка в косынке цветной,
Что мне встретилась на первопутке
У колодца с бадейкой пустой
И стояла, покуда пройду я,
Чтоб в дороге мне не было зла,
Чтоб за счастьем я шел не впустую,
Человеком хорошим была.

ПОЭТ

Он падал, ушибался больно,
Скрывая слезы ото всех,
Он подавлял в себе невольно
Не только слезы — даже смех.

Он горевал: «Что мне присуще,
Совсем несвойственно другим,
Иные нужды у живущих —
Что близко мне, то чуждо им...»

Но как-то обо всем, что было
На сердце, высказался вслух,
И поэтическую силу
За ним признали все вокруг.

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Я не был дома много лет.
Как в детстве, лег на сеновале.
В просветах крыши лунный свет,
Насторожились к ночи дали.
И песню, что знакома мне,
Поют лягушки за овином.
Она в родимой стороне
Звучит не хуже соловьиной.

* * *

Цветы расцветают негромко
И в тайное время, когда
Синеет рассветная кромка,
Усталые спят города.
А матери разве не втайне
Приносят на свет сыновей?
Хороший товарищ не станет
Бахвалиться дружбой своей

...Под утро, проснувшись однажды,
Увидишь в узорах стекло —
Нетронутым пухом лебяжьим
Осеннюю грусть замело.
Задремлют прибрежные села,

Ракетой звезда упадет;
На реках начнется веселый,
Несущий весну ледоход.
От глаз отгороженный ночью,
За темной завесой ветвей,
Влюбленному радость пророчит,
Удачу сулит соловей.
Мужают пласты антрацита
Веками незримо для нас...
Все доброе делают скрытно,
Хорошее — не напоказ!

Ни словом, ни даже намеком,
Тщеславной мечте вопреки,
Смотри не вспугни ненароком
Тепло подоспевшей руки!

СЛОН

Послушно стой на задних лапах
И лолам посылай поклон,
Вдыхай конюшен старый запах
Да слушай смех со всех сторон,
Безвольно подгибай колени,
Когда хозяин повелит.

«Артист» не выдаст на арене
Своих бесчисленных обид.
Перед хлыстом хозяйским робок,
Терзаем голодом потом,
Из спичечных пустых коробок
Он складывать обязан дом.

Но стихнет фейерверк оваций,
С самим собой наедине —
Спасибо, что один остался,—
Приткнется хоботом к стене,
И взгляд неожиданно затуманит
Вдруг набежавшая слеза.
...Он снова непокорным станет,
Уйдет в дремучие леса.
Он сам достойный повелитель,
Его обходят стороной.

Слона случайно не обидьте —
Весь затрепещет мир лесной!
Он там вдыхает дождь медвяный
И подпирает облака,
И рвет стожильные лианы
Он, не прирученный пока.
А если даже в джунглях темных
Его обманут, уведут,
Заставят в три обхвата бревна
Носить...

И все-таки не шут.
И все-таки не так обидно:
Бревно не спички как-никак.
...Но осужден навеки, видно,
На этот затхлый полумрак.
...Вот скоро подойдет хозяин:
— Пора! Волнуется народ!
И слон вертлявым попугаем
Пойдет отплясывать фокстрот.

К ЧИТАТЕЛЮ

Друг мой верный, критик-читатель,
Не молчи, не молчи, напиши
Ото всей неподкупной души,
Не жалея, что время затратил!
Может быть, пророню я слезу
Над письмом твоим — злым приговором.
Все снесу: нареканья, укоры,
Лишь молчанья, мой друг, не снесу!

ПЛАТОК

По моде быть одетой —
Совсем не легкий труд!
То шляпки, то береты,
То капоры пойдут.

Но, за сезон состарюсь,
Свой отживают срок,
И лишь всему на зависть
Не старится платок.

Живет, цветет веками —
И не перешибешь!
Он с русскими лутами
Зимой и летом схож...

* * *

Татьяне 3.

Не завтра. А прямо сейчас
Уедем с тобой на попутных
Подальше от суетных фраз,
Предчувствий знобящих и смутных.
От всех пересудов и дразг,
Творящихся с «легкостью милой»...
Да разве снежок это? Грязь!
А там... тополя опушило...
Там проще и мысли и речь,
Друг в друга мы влюбимся снова...
Затеплится русская печь
В бревенчатом доме сосновом.
Поставим бочком табурет,
Усядемся рядом в обнимку.
Что нам электрический свет
И стулья с затейливой спинкой?
На окна сияньем зари
Метнутся от пламени блики.
В горящие угли смотри —
Они для души не безлики.
Смотри и смотри до тех пор,
Тоска не истлеет покуда,
Покуда на стеклах узор
Не стает, как снежное чудо.
Хрустальный над крышею дым...
Захочешь — потрогай рукою.

Поедем, вдвоем посидим
У русской печи. Успокоит!

* * *

Пусть в стены бьется непогода,
И зябко в комнате твоей,
И сожалеешь год от года,
Что ты одна, что нет друзей...

Не зная, отчего бы это
На сердце тяжело и темно,
Завесишь от дневного света,
От радостей чужих окно

Но как бы ни было, не надо
На ласку первую тебе,
На хитрое участие взгляда
Сдаваться, словно бы судьбе.

Не верь красивым увереньям,
Что жизнь дается только раз,
Что надобно «ловить мгновенье»,
Пока возможность есть у нас

Придет неведомый, желанный,
Он, суженый тебе одной,
Придет он поздно или рано
И назовет тебя родной.

И нежно волосы погладит,
Согреет теплотою глаз...
Не соглашайся, бога ради,
Что «жизнь дается только раз»!

* * *

Помнишь, в доме остались одни мы,
И руки застыдилась рука,
И куда-то смотрела ты мимо,
Засквозил ветерок холодка.
Я подумал: скорее отсюда!
Только ближе бы к людям опять,
Чтобы смутной взаимности чудо
Неожиданно не потерять...

* * *

Когда-нибудь, обняком,
За чаем, вспомнишь вечером,
Как ты была красивой,
Немножечко счастливой.
А волосы — тоски белей...
И по глазам твоих гостей
Скользнет мгновенной тенью
Невольное сомненье.

Тогда достань, прочти для них
Мой не дошедший к людям стих,
Где ты живешь, не старясь.
Прочти, гостям на зависть!

ДЕВУШКАМ

Душевное имя — Наташа,
Простое, как в поле цветы.
Россия в нем чудится наша,
Родные до боли черты.

Былинное имя — Любава,
Не им ли впервые, как знать,
Дано нам счастливое право
Любимых в уста целовать?

А разве от имени Лена
Не станет на сердце светло,
Хоть, может быть, горькой изменой
В судьбе оно чьей-то прошло!

Несите в красе первозданной,
Храните свои имена,—
Они вам достались приданым,
Как звезды, на все времена!..

* * *

Ничего ведь не случилось с нами.
Ну и что же, проводили птиц...
Это не морщинки под глазами —
Сетчатые тени от ресниц.
И глаза твои не выцветали,
Это небо опустилось в них,
Осенью поблекнувшие дали
Отразились в темно-голубых.

Посижу с тобою, успокою.
Может быть, чему-то я виной?
...В светлой грусти что-то есть такое,
Стоящее радости иной.

НА РЫНКЕ

Приценюсь к грибам на рынке,
К молоку в холодной крынке,
К винограду на лотке,
К розам в девичьей руке,
К морю ярмарочных красок...
Жаль — пуста в кармане касса.
Приценюсь я ко всему,
Ничего я не возьму.

Все, однако, унесу,
Даже девичью красу!

НЕКРАСИВАЯ

Ты красотой не славишься,
Не броская с лица,
Податливо не плавишься
От красного словца.

Судьба тебя не балует,
Другим несет цветы.
Походкою усталою
Проходишь мимо ты...

И словно не касается
На свете никого,
Что ты, душой красавица,
Ждешь счастья своего.

В глаза заглянешь милые,
Не выпуская рук,—
И кто-то всех счастливее
На свете станет вдруг.

И зависть просыпается,
Признаться, к молодцу,
Что выберет красавицу
Не просто по лицу.

* * *

Хотя она и молодится,
Но реже, реже с каждым днем
К ней поворачивают лица,
Не ждет влюбленный за углом.

Теперь на дочь ее все чаще
Бросают взгляды, проходя.
Несут степенно легкий плащик,
Как ей когда-то, от дождя.

Ну, отчего ж ты приуныла,
Вздыхнула, стоя у окна?
На свете все, как прежде, было,
Лишь красота обновлена.

* * *

Как стихов заветных томик,
Мне знакомый до конца,
Был на Шаболовке домик
С тополями у крыльца.
В январе — дымок над крышей,
Летом — хрусткий огород...
В теплом уголке, притихший,
По мышам скучает кот.
Днем ли, ночью ль на трамвае
Я, бывало, подкачу
И в окошко, как хозяин,
Неторопко постучу.
За веселой занавеской
Вдруг покажется она,
С непосредственностью детской
Улыбнется из окна...
...Я войду. Обнимет крепко,
Скажет: «Не забыл меня?» —
Отряхнет от снега кепку,
Сядет рядом у огня,
Помешает в печке угли —
Теплотою жар пахнет...
Здесь же спальня, здесь же кухня.
К чаю пододвинет мед.

...А сейчас сожгли, сломали
С тополями домик тот.
Скажут: в этом нет печали,
Если в гору жизнь идет.
Ведь живет его хозяйка
На десятом этаже!
Да, живет, но птичья стайка
Гнезда там не вьет уже.
...Мне, признаться, жаль немножко —
Грусть по домику свежа!
Не достать снежком окошко...
Лифт... Ночные сторожа...

* * *

За окном моим как-то цветасто
Женский смех заиграл — и ушел.
Надо в жизни смеяться нечасто,
Чтоб смеяться вот так хорошо.
Я прильнул к затуманенной раме.
Никого. Только падает снег
Но остался на долгую память
Родниковыми брызгами смех.

НА ДАЧЕ

Ты, в бревенчатый домик войдя,
Капюшон отвернула цветной,
Вся пропахшая после дождя
Подмосковною сказкой лесной,
Земляничкой, листвою в росе,
Влажным солнцем, настоем грибным.
Ты вошла в невозможной красе,
Вся пропахшая краем родным.

* * *

Ты мне красавицей казалась,
Когда босых и легких ног
Земля весенняя касалась,
На голове лежал венок.
И в паутинном ожерелье
Сияли для тебя леса,

И птицы в свадебном веселье
Свои дарили голоса.
Но вот асфальт разгоряченный
К подметкам липнет на ходу,
Дымок из труб змеится черный,
Тебя я под руку веду.
И красоты не вижу, право,
Куда она девалась вдруг?
Так вот что значила оправа
Цветов, разбросанных вокруг!

* * *

Ты для меня, как последняя спичка
На зябком осеннем ветру.
Любовь моя... То ли привычка?
Я это в расчет не беру...
Не уходи. Не заменит другая.
Не уходи. Не уходи!..
На перекрестке косынок махая,
Ушла. Никого впереди.

ЕЖ

А знаете, друзья, что еж
Был с мягкой шерсткою когда-то?
Бывало, на руки возьмешь —
Покорный, смотрит виновато.

Но объявилась вдруг лиса,
Защелкали зубами волки —
И стали колкими глаза,
И выросли иголки.

КОМАРЫ

На то они и комары,
Чтобы бояться ветра.
Чуть налетит из-за горы
Разгоряченным летом,
Как пропадают где-то.

Свежак с неведомой поры —
Враг всевозможной мошкары.

ГРИБЫ

Подберезовик душистый,
Белый гриб — грибов король —
Где-то в листьях, в травах мшистых...
Ищешь их... Исчезли, что ль?
А красивый, длинноногий
Несъедобный мухомор
У тропинки, у дороги —
«Рви меня!» — глядит в упор.

Так-то водится на свете:
Кто полезен и умен,
Тот не очень-то приметен,
На глаза не лезет он.
А другие — те, напротив,
Встанут выше, на дыбы.

Вы такого обойдете?
Вы ведь знаете грибы?

ОРАТОР

Ну и оратор — голова!
А что за взмахи — дровосек!
Когда б рубил он так дрова,
Не тратил попусту слова,
Хороший был бы человек!

ОГРАДА

Хотели мы перемахнуть
С дружком через ограду,
Но руки не достали чуть —
Нам подрасти бы надо.

— Постой, придумал! — говорю
И подставляю спину.
Приятель мой: — Благодарю! —
И ногу перекинул.

Хочу за ним подняться вслед.
— Ну, руку же скорее!
А он в ответ кричит: — Привет!
Спасибо за идею!

Сегодня без особых слез
Смотрю на эти вещи.
«Друзья» мне утирают нос
Порой куда похлестче...

КУРИНАЯ СЛЕПОТА

Эх, куры, глупые вы куры,
Где были ваши голоса,
Когда таскала ночью хмурой
Поодиночке вас лиса?
В курятник без стыда и чести
Ходить повадилась она,
А вы молчали на насесте:
Мол, наше дело — сторона!
И даже в грусти по соседке
Была частица торжества,
Что смерть пришла к другой наседке,
А я... Кудях-тах-тах... жива!

СЛАВА

Герой! Будь начеку, мой друг,
Когда тебя качают:
Подбросят к звездам сотни рук
И ласково встречают.
Пусть радость не захватит дых,
Восторг не станет куцым:
Пойми, в один прекрасный миг,
Подбросив, разбегутся!

Ведь слава — озорница,
На шутки не скупится!

СПЛЕТНИ

Язёк — серебряный бочок —
Не пара щукам узколобым,—
Не на любой пойдешь крючок,
К тебе всегда подход особый.
А все же угодил и ты
На зорьке в сеть... Напрасно биться!

Теперь не избежать воды,
Той, что вскипает для ущицы.

Уж я-то знаю, трудно, брат,
Порвать хитро сплетенный бредень.
Как ты, ни в чем не виноват,
Сам попадался я стократ
В гнилую тину сплетен...

СВОЯ ЭСТЕТИКА

Чешется о памятник свинья,—
У свиньи эстетика своя.

ВОЛ

Сосед вола к себе зовет
Отнюдь не на душистый мед —
Возить без передышки воду
На чай к обещанному меду!

КОЛОДЦЫ

Любил, бывало, в детстве я
Глядеть в глубокие колодцы.
В них отражалась тень моя,
А крикнешь — кто-то отзовется.
А в мелких эха не ищи:
Сердечных откликов не будет,
Хоть зарыдай, хоть засвищи.
Под стать колодцам есть и люди.

«МЕЦЕНАТ»

Да, он откроет кой-кого,
Он отрастит поможет крылья —
Но только так, чтоб самого
Его те крылья не закрыли.

СОДЕРЖАНИЕ

Мой век	3
«Спасибо тому, кто в февральских заносах...» . . .	4
Современнику	4
«Как много видел я обид!..»	5
Правда	5
Шторм	6
Год прошел	6
Эхо	7
«За светом тень крадется в поднебесье...»	7
Океан	8
Дуб	8
Усталость	8
Время	8
Обида	9
В жару	9
Друг	10
«Человек я, а не рыба...»	10
«Милая, незвонкая сторонка...»	11
«Нет, зеркала фальшивы!..»	11
Все, что смог	11
Декабристы	12
Страница истории	12
Случай с Леонардо да Винчи	13
Сикстинская Мадонна	14
Звезда	15
Человек спит	16
Поезда	16
Ритм	17
Ожидание	17
«Я не верю давно в предрассудки...»	17
Поэт	18
После разлуки	18
«Цветы расцветают негромко...»	18
Слон	19
К читателю	20
Платок	20
«Не завтра, А прямо сейчас...»	21

«Пусть в стены бьется непогода...»	21
«Помнишь, в доме остались одни мы...»	22
«Когда-нибудь, обняком...»	22
Девушкам	23
«Ничего ведь не случилось с нами...»	23
На рынке	24
Некрасивая	24
«Хотя она и молодится...»	25
«Как стихов заветных томик...»	25
«За окном моим как-то цветасто...»	26
На даче	26
«Ты мне красавицей казалась...»	26
«Ты для меня, как последняя спичка...»	27
Еж	27
Комары	27
Грибы	28
Оратор	28
Ограда	28
Куриная слепота	29
Слава	29
Сплетни	29
Своя эстетика	30
Вол	30
Колодцы	30
«Меценат»	30

Алексей Яковлевич Марнов
СТИХИ

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 00396. Подписано к печати 22/V 1963 г. Тираж 113 600. Изд. № 915.

Зак. 901. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. 0,5 бум. л.—1,37 печ. л. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ШЕСТИТОМНОЕ СОБРАНИЕ
«ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ»
С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙНА

познакомит читателя с разносторонней деятельностью одного из основоположников социалистической культуры, режиссера, теоретика, драматурга, художника, Сергея Михайловича Эйзенштейна.

В первом томе Эйзенштейн рассказывает о себе и о своем творчестве. Здесь читатель найдет статьи о поставленных им фильмах, познакомится с историей их создания, с неосуществленными замыслами.

Во второй том включены все основные теоретические работы Эйзенштейна, написанные им с 1923 по 1946 г.

Третий том содержит итоговые теоретические работы режиссера, написанные им в последний период жизни и составляющие единое целое: «О строении вещей», «Пафос», «Неравнодушная природа», «О стереокино», — и работы о цвете в кино.

В четвертый том войдут статьи Эйзенштейна о зарубежном и русском театре (японском и китайском театре, о постановке оперы Вагнера «Валькирия», об артистах Улановой, Глизер и других), высказывания об искусстве, о творчестве различных художников.

Пятый том познакомит читателя с Эйзенштейном-кинодраматургом. Здесь публикуются сценарии, написанные великим мастером.

Шестой том включает публицистические работы и письма режиссера.

Издание снабжено комментариями, фильмографией, богато иллюстрировано фотोगрафиями, кадрами из фильмов, рисунками Эйзенштейна.

«Избранные произведения» подготовлены Институтом истории искусств, Союзом работников кинематографии и Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР.

Главный редактор издания — народный артист СССР С. ЮТКЕВИЧ.

Условия подписки

Срок выпуска — 1963—1966 гг. Стоимость каждого тома — 2 р. 25 к.

Подписка принимается книжными магазинами республиканских, краевых и областных книготоргов и потребительской кооперации.

«СОЮЗКНИГА»